

Кузнецов А.Н.

Антинаучные страсти на канале «Культура»

В этом году 12 февраля исполняется 200 лет со дня рождения Чарльза Дарвина, а 24-го ноября – 150 лет со дня выхода первого издания «Происхождения видов...»

20 января юбилейного 2009 года в 22⁰⁰ по государственному телерадио каналу «Культура» был показан 26-минутный фильм «Эволюционные битвы, или Страсти по Дарвину». Фильм изготовлен по официальному заказу ГТРК «Культура» телекомпанией ООО ТРК «Цивилизация» под художественным руководством её директора Л.Н. Николаева по сценарию журналистки М. Собе-Панек. Никакие научные консультанты и редакторы для работы над фильмом не привлекались.

Тема фильма – проблема происхождения многообразия жизни на планете Земля, взгляды, которые на сей счет существуют, и то место, которое среди этих взглядов занимает дарвинизм вообще и лично Чарльз Дарвин в частности. Главная цель фильма, по всей видимости, состояла в том, чтобы показать российской публике, что теория Дарвина – не только не единственный подход к указанной проблеме, но даже не самый предпочтительный.

В фильме рассматриваются и сравниваются четыре взгляда на происхождение многообразия земной жизни. Они именуются «версиями» и «теориями». Версия № 1 – креационизм, т.е. божественное творение родов организмов в готовом состоянии. Версия № 2 – градуализм Дарвина, т.е. постепенное развитие новых форм из старых. Версия № 3 – катастрофизм, т.е. скачкообразное появление новых форм жизни вместо старых после глобальных катастроф. Версия № 4 – панспермизм, т.е. внедрение внеземных организмов из космоса.

Основной пафос фильма состоит в том, чтобы снять обострившееся противостояние дарвинизму со стороны церкви. Отвергая претензии дарвинизма на первенство в решении проблемы происхождения биоразнообразия, авторы предлагают равноправное рассмотрение всех четырех версий. Главный вывод, сделанный авторами в конце фильма, дословно следующий: *«Так какая же из теорий происхождения жизни на земле верна? Науке это неизвестно. Более того, все существующие ныне теории не взаимоисключают, а скорее дополняют друг друга. Теория панспермии не противоречит теории креационизма. Ведь жизнь, зародившаяся в космосе и попавшая на Землю, могла быть создана Богом, живущим на другом краю Вселенной. Катастрофическая теория точно так же может существовать при поддержке космической или креационистской теорий. Потому что заселение планеты живыми существами после любой из катастроф могло быть делом рук как Создателя, так и метеоритного дождя. А что же Дарвин с его теорией градуализма? Он-то ведь наверняка был неправ. Ничего подобного. Эволюционная теория Дарвина верна, если использовать ее в рамках одного вида».* Говоря коротко, предложен следующий консенсус: Бог где-то вдалеке во Вселенной есть, он делает там готовые виды, которые периодически засылает на метеоритах на Землю, когда предшествующий десант вдруг погиб в результате глобальной катастрофы, а между катастрофами посланные виды могут чуть-чуть поработать внутри себя по законам дарвинизма.

Чтобы достичь такого «равновесия» между четырьмя точками зрения, авторы фильма должны были уравнивать их шансы. В связи с тем, что трудами ученых дарвинизм развит несравненно сильнее, чем креационизм, катастрофизм и панспермизм вместе взятые, создатели фильма старались всеми мерами принизить дарвинизм и возвысить альтернативные «теории». Для решения этой задачи авторы пользуются специальными приемами. Вот некоторые из них.

Теория Дарвина четыре раза названа не теорией, а гипотезой, тогда как креационизм гипотезой не назван ни разу – исключительно теорией.

Принижены профессиональные и человеческие достоинства основателей дарвинизма. Про самого Дарвина утверждается, что он *«не был биологом»*. В самом начале фильма говорится даже так: *«Дарвин не пошел на съезд по причине болезни. Впрочем, это была его традиционная отговорка. Об особенностях мистера Дарвина отсутствовать в минуты решающих событий»*

слагались легенды». В действительности Дарвин, судя по симптомам, всю жизнь страдал тяжелой и тогда еще неизвестной медицине тропической болезнью Чагаса, возбудитель которой (простейшее *Trypanosoma cruzi*) мог быть занесен Дарвину в кровь в 1835 г. в Южной Америке при описанной им в дневниках атаке кровососущих клопов (*Triatoma infestans*), являющихся переносчиками этой паразитической трипаномы.

Про сторонников Дарвина говорится с сомнением. Например: «*Великий русский эмбриолог Илья Ильич Мечников, хотя и считался ученым-дарвинистом, достаточно критически отзывался о книге Дарвина*». Или про Томаса Гексли (сейчас принято транскрибировать как Хаксли): «*До конца жизни он проповедовал и защищал идеи своего друга и учителя Чарльза Дарвина. Но вот верил ли он сам в эволюционное происхождение видов?*»

С особым юмором авторы фильма рассказали зрителям про известного дарвиниста Геккеля, которого для большей убедительности назвали не первым именем – Эрнст, под которым его всегда знала российская публика, а последним – Август (полное имя Ernst Heinrich Philipp August Haeckel). Вот как характеризуется в фильме его вклад в науку: «*Геккель обладал безудержной фантазией... Создал человека, Геккель пошел дальше и начал сочинять новые законы природы. Например, биогенетический закон эмбриональной рекапитуляции, по которому человеческий эмбрион проходит все стадии эволюционного развития: сначала беспозвоночное существо, затем рыбка, собачка и лишь потом человек. Дарвин сразу же объявил биогенетический закон главным доказательством своей теории*». И сразу же вслед за этим устами мультипликационной Алисы в Стране Чудес: «*Ой, кажется, я открыла новый закон: от укуса кукурузы, от горчицы огорчаются, от лука лукавят. Как жалко, что об этом никто не знает...*» И затем опять голос диктора: «*Смешно, но нарисованные Геккелем человеческие эмбрионы с жабрами и хвостиками до сих пор кочуют из одного учебника биологии в другой. Подтверждая тем самым закон живучести сомнительных идей*». Хотя на бумаге трудно передать язвительный тон, которым диктор произносит процитированный пассаж, но и без интонаций совершенно ясно, как надо понимать сказанное: вначале Август Геккель вообразил себя Богом, способным создать человека, а потом заврался окончательно – придумал, что в утробе матери человек вначале имеет вид беспозвоночного животного (этого Эрнст Геккель не говорил), потом... собаки (тоже не говорил), а для Дарвина этот бред оказался самым сильным подтверждением его «гипотезы», хотя любому здравомыслящему человеку ясно, что это такая же ерунда, как закон Алисы. Повидимому, авторы фильма уповают на то, что зрителям никогда не представится возможность лично убедиться в наличии у человеческих эмбрионов хвоста и жаберных щелей с типично рыбьим кровоснабжением.

Вообще отношение к именам ученых у авторов фильма весьма легкое. Так, упоминая немецкого врача Рихтера как автора теории панспермии, на экране нам предъявляют портрет Анатолия Петровича Богданова – председателя московского антропологического общества в XIX веке.

А вот основной аргумент против дарвинизма, так сказать, по существу: «*Самым слабым местом теории эволюции считается отсутствие промежуточных форм между разными видами животных. Временами эти промежуточные формы как будто бы находились. Но каждая такая находка рано или поздно превращалась в научную ошибку. Например, долгое время считалось, что ископаемая рыба латимерия с зачатками легких и примитивными лапами – превосходная «переходная модель» между рыбами и земными животными. Но в 1938 году в Индийском океане была выловлена живая латимерия. Точная копия своих доисторических прабабушек*». И после аналогичного примера об истории лошадей: «*О какой эволюции вида может идти речь в этом случае? Разве что вообразить себе на мгновение, что у эволюции случались приступы помешательства*». «Помешательством эволюции» авторы фильма, очевидно, называют ситуации, когда предковый вид не ликвидируется в то самое мгновение, когда от него отделяется новый вид. Между тем ни Дарвину, ни его последователям никогда и в голову не приходило постулировать обязательность такой ликвидации. Конкретно про латимерию хочется сказать, что у неё не зачатки легких, а остатки, что четвероногие животные называются в науке наземными, а не земными (слово «земные» – скорее из лексикона креационизма или панспермизма), что ученые уже давно не считают латимерию близким родственником четвероногих и что гораздо полезнее для повышения культурного уровня телезрителей было бы рассказать о действительных промежуточных звеньях, таких как недавно выкопанная девонская рыба (точнее, уже не вполне рыба) под названием *Tiktaalik roseae*.

Несмотря на отсутствие научных консультантов, авторы фильма очень часто говорят от лица современной науки. Вот пара примеров. *«Современная наука считает, что все эволюционные изменения за последние 530 миллионов лет были лишь вариациями на базовую тему. За это время ни одна мышь не стала кошкой, ни один воробей не превратился в орла»*. С этим не поспоришь: ученые не могут и не собираются тягаться с Богом в совершении чудес, а орел из воробья – почти такое же чудо, как женщина из ребра. И ещё было сказано: *«Зато современная наука может уверенно сказать одно: человек не произошел от обезьяны. Ни по линии бабушки, ни по линии дедушки...»*

Последняя цитата особенно важна. Нетрудно понять, что для «примирения» дарвинизма и креационизма авторам фильма важнее всего было полностью разрушить самый острый пункт противоречия – происхождение человека от обезьяны. Для этого пошла в ход и пилтдаунская подделка (почему-то произнесенная с буквой «с» – «пилтСдаунская»), давным-давно выведенная на чистую воду, причем никак не креационистами, а дарвинистами, и уже отвергнутая опять же учеными-дарвинистами теория происхождения человека разумного от неандертальцев (кстати, их изображения были включены в фильм без разрешения, и уж тем более без приобретения законных прав на использование у художника – автора изображений). Особого сарказма заслужил у сочинителей фильма знаменитый скелет австралопитека под именем Люси. Про него сказано следующее: *«Люси была очень удобной находкой. Деформированные кости ее скелета можно было складывать как угодно: хоть на обезьяний манер, хоть на человеческий»*. При этом на экране показан грубо нарисованный скелетик Люси, у которого руки и ноги меняются местами. После этого любой зритель, по-видимому, просто обязан счесть исследователей Люси неквалифицированными идиотами либо злостными шарлатанами. Такими приемами авторы фильма, очевидно, стремились навести в душе зрителей «справедливый баланс» между креационизмом и дарвинизмом.

Постоянно оспаривая происхождение тех или иных существ друг от друга то по линии бабушки, то по линии дедушки, авторы фильма, по-видимому, совершенно запутались в генеалогических вопросах и назвали Эразма Дарвина не дедом, а отцом Чарльза Роберта Дарвина (а по-русски было бы Чарльза Робертовича).

И напоследок процитируем ещё один упрек со стороны авторов фильма в адрес Дарвина, свидетельствующий об уровне их грамотности в области методологии научных теорий: *«В предисловии к первому изданию Дарвин честно признался: “Я уверен, что в этой книге вряд ли найдется хоть один пункт, к которому нельзя подобрать факты, которые приводили бы к прямо противоположным выводам, чем те, к которым пришел я...”*». В действительности это – проявление не слабости, а силы теории Дарвина. Этой своей фразой он на целый век предвосхитил критерий фальсифицируемости Карла Поппера, который почти в таких же словах сформулировал то, как можно отличить научную теорию от ненаучной: для ненаучной, например креационизма, в принципе нельзя подобрать опровергающих фактов. Начиная с середины XX в. критерий фальсифицируемости стал краеугольным камнем научного познания у всего культурного человечества. Таким образом, возникает большое сомнение, что своим фильмом «Страсти по Дарвину» ГТРК «Культура» поднимет культурный уровень своей аудитории.